

ВИКТОРИЯ
ТОКАРЕВА

A decorative flourish consisting of a large, elegant loop that starts under the letter 'В' and ends under the letter 'А', with a smaller loop extending to the right.

ВИКТОРИЯ
ТОКАРЕВА

ТИХАЯ МУЗЫКА
ЗА СТЕНОЙ

АСТ
МОСКВА

УДК 821.161.1
ББК 84 (2Рос=Рус)
Т51

Компьютерный дизайн А.И. Смирнова

Токарева, Виктория

Т51 Тихая музыка за стеной : [повести и рассказы] /
Виктория Токарева. — Москва: АСТ, 2014. —
350, [2] с.

ISBN 978-5-17-084371-8

Сильная женщина тоже хочет любить и быть любимой.

Успешная женщина тоже мечтает о семейном счастье — простом и приятном, как тихая музыка за стеной.

Эти неоспоримые истины повести Виктории Токаревой «Тихая музыка за стеной», ставшей заглавной для сборника, задают эмоциональный тон всей книге.

Но что это, в сущности, такое — любить? И всегда ли можно осознать за круговертью будней, счастлив ты или нет?

Ответы на эти вопросы героини Токаревой пытаются отыскать снова и снова, ошибаясь, - и снова пускаясь на поиски любви и счастья.

И в их ошибках, радостях и печалях мы часто узнаем себя...

УДК 821.161.1
ББК 84 (2Рос=Рус)

Тихая музыка за стеной

Когда Ариадна появилась на свет божий, ее маме Лизе было двадцать лет, бабушке — сорок пять лет, а дедушке — шестьдесят.

Все любили всех: дедушка и бабушка обожали друг друга, души не чаяли в своей дочке Лизе, и все хором полюбили новую девочку Ариадну. Так звали дедушкину маму графиню Ариадну Шереметьеву.

Дело в том, что дед и бабка — из бывших. Их предки происходили из богатого и знатного рода. Этот род продолжался бы и дальше, но его прекратила революция семнадцатого года.

Дед тщательно скрывал свое происхождение. Он был вынужденный конформист. Обнаружить правду в те годы значило потерять жизнь. А жизнь больше правды. Правда — составляющая жизни. Если теряешь саму жизнь, кому нужна твоя правда? Правда — это только слова, а жизнь дается Богом, и только Бог может ее отменить. К тому же деду нравилось жить независимо от социального строя и от такого понятия, как справедливость.

В юности дед пел: «Боже, царя храни», в зрелости приходилось петь: «Вышли мы все из народа». И ничего. У деда был хороший слух и красивый голос. Его ставили запевалой.

Родители бабушки были помещики. После революции бабушка говорила, что они агрономы. Врала, но не полностью. Хороший образованный помещик разбирался в сельском хозяйстве, являлся в какой-то степени агрономом. Фамилию Шереметьев сократили на треть. Получилось Шеремет. Вполне рабоче-крестьянская фамилия.

Ариадну записали Шеремет, поскольку родного отца не имелось в наличии.

Когда-то он, конечно, был, но его выдворили из семьи как простолюдина.

Позже Ариадна узнала, что папашу звали Алик и что он каждый раз, садясь за стол, занимал место дедушки. Бабушка возмущалась и говорила: «Сядьте на свое место», на что Алик удивленно поднимал брови и спрашивал:

— А разве не все равно, где сидеть?

Бабушка тяжело вздыхала. Она понимала, что в семье Алика не было традиций, а сам Алик без рода без племени. Есть он тоже не умел, в смысле — не умел пользоваться приборами, жевал слишком быстро, как будто боялся, что у него отнимут. Чай пил из блюдца, тянул, как из лужи.

Алик любил посещать баню, но после бани надевал нестираную рубаху, и от него неизменно пахло потом. Бабушка предоставляла ему чистую глаженую рубашку, но Алику жалко было использовать такую красоту, мять и грязнить, и он надевал старую. В сущности, скромный был человек. Однако Шереметьевы его не оценили, а Лиза своего голоса не имела. Вообще-то имела, конечно, но он был слишком слабый на фоне бабушкиного авторитарного вопля. Графиня — она графиня и есть.

* * *

Лиза в те поры была студентка консерватории. Голос — как у ангела. Когда она пела, бабушка плакала. Не могла сдержать слез любви и восторга. Все ждали, что Ариадна (сокращенно Ада) тоже будет петь. Но оказалась бесслухая. Гудок.

Ада росла в неполной семье, без папы. Но при наличии такой бабушки никакого папы и не требуется.

Бабушка следила за обучением, за воспитанием, за питанием. Обучала хорошим манерам: правильно сидеть, держать спину, есть с закрытым ртом, не перебивать взрослых, не задавать вопросов, не рассказывать о себе, когда не спрашивают, не считать партнера глупее себя, не хлебать щи лаптем — это значит не снисходить до нижестоящих, держать дистанцию. Следить за модой, но не быть смешной, не надевать на себя откровенной дешевки.

Сама бабушка носила на пальцах семейные бриллианты, никогда не снимала. Украдут. Руки ее постоянно пребывали в воде, то стирали, то чистили овощи. Руки перестали быть холеными, пальцы раздулись от воды и от возраста, но бриллианты не менялись и продолжали стрелять синими огнями. При зажженном свете они переливались всеми цветами радуги — видимо, бриллианты имели безукоризненно качественную огранку.

Бабушка следила за учебой Ариадны, навещала школьных учителей, ничего не пускала на самотек. Однажды она увидела, что у Ады в четверти пятерка по пению. Как это понимать? Гудок, поет мимо нот, и вдруг — отлично. Это проявление попустительства и несправедливость. То же самое, как за

знание поставить два. Такое «пять» может извратить понимание ребенка о своих возможностях.

Бабушка отправилась к учительнице пения и спросила:

— За что вы поставили моей внучке «отлично».

Сильно немолодая учительница вытаращила страдальческие глаза и объяснила:

— Они все так ужасно ведут себя на уроках. Скачут, орут. А ваша Ада сидит и молчит.

Значит, не за пение, а за молчание. За тихость. За скромность. За правильное поведение. Весь класс мучит слабую старушку, издевается. А тактичная девочка сочувствует. Со-чувствие — драгоценная черта, такая же, как со-страдание, со-участие. Чувствовать другого человека как себя. Обратная связь. Такое не воспитаешь. С этим надо родиться.

Бабушка деликатно настояла на оценке «три». Не два, конечно, но и не пять.

Учительница жалко моргала редкими ресницами. «Зачем она работает?» — подумала бабушка. Но вслух ничего не сказала. Вокруг так много было необъяснимого «зачем».

Лиза (мама Ариадны) после консерватории попала в Большой театр. Театр находился неподалеку от дома, можно было добежать пешком, минуя общественный транспорт.

Ада любила Большой театр за его торжественную роскошь, за сочетание золота с красным бархатом. И еще ей нравилось обилие музыки: целая яма для оркестрантов и полная сцена голосащих артистов, и все вместе они красиво вопят, пререзают пространство высокими звуками. А публика —

нарядная и причесанная, слушают благоговейно. Во время антракта не вскакивают, а поднимаются бесшумно, двигаются с достоинством, потом аккуратно садятся.

Ада замирала вместе со всем залом. Она была частью зала, частью человеческого сообщества, и это причастие наполняло ее смыслом и гордостью. Пусть у нее нет слуха, но зато есть место в зале для избранных. Первый ряд, кресло номер шесть.

Ада бегала в Большой театр как к себе домой. Ее знали все билетерши и легко пропускали. Она садилась в свой первый ряд, там всегда были свободные места. Оказывается, первый ряд не считается лучшим. Слишком близко к сцене.

Однажды Ада прибежала в валенках. На улице таяло. Валенки промокли, и на коврах Большого театра оставались темные, влажные следы.

Большой театр — помпезный, красно-золотой, с царской ложей, и вдруг — валенки и следы на коврах. Но это не все.

Ада просидела всю оперу «Аида» с мокрыми ногами, простудилась и заболела ангиной, с последующим осложнением на сердце. Осложнение называлось «ревмокардит». Клапан сердца слегка деформировался. Образовался систолический шум.

Бабушка буквально сходила с ума, кляла себя за тот трижды проклятый день, когда она выпустила внучку в валенках при нулевой температуре. Теперь у ребенка порок сердца, а сердце — это самый важный орган, необходимый на всю жизнь. Сердце качает кровь, сердце любит, в конце концов.

Аду освободили от физкультуры. Мать и бабушка тряслись над ней, не разрешали поднимать боль-

ше двух килограммов, и только дед был беспечен: ничего, вырастет.

И действительно выросла.

Шум в сердце остался, но едва прослушивался. Порок считался компенсированным, ничему не мешал.

Ада оказалась влюбчивой барышней, постоянно в кого-то влюблялась, каждый раз навсегда. А в двадцать лет выскочила замуж за студента медицинского института Осю по фамилии Мороз. Стала Ариадна Мороз. Тоже неплохо, хотя Ариадна Шереметьева лучше.

Ося специализировался на прямой кишке, будущий врач-проктолог. Пищеварение — основа жизнедеятельности. Больная прямая кишка зачеркивает все радости жизни, а иногда и смысл. Поэтому главное в человеке — не лицо, а совершенно другое место.

Ося поставил в квартире биде для промывания скрытых мест. Гигиена — основа здоровья. У мусульман в десять раз реже заболевания прямой кишки. Почему? Потому что они пользуются водой, а не туалетной бумагой.

Подруга Мирка спрашивала ехидно:

— Что за радость целый рабочий день заглядывать человеку в жопу? Уж лучше был бы гинеколог.

— Почему лучше? — спрашивала Ада.

— Смотрел бы во врата любви. Принимал детей.

— Рожают один раз в жизни, ну два. А испражняются каждый день.

На это было трудно возразить. Мирка затыкалась. Она завидовала Аде по всем пунктам и иногда

даже плакала от зависти. Плакала открыто, не скрываясь. Сидела, подпершись, и снимала слезы со щек тонкими кривоватыми пальцами. Ада сочувствовала, но помочь ничем не могла. Не отдаст же она своего мужа Осю — такого умного и дельного. Ада высоко ценила своего Осю и, как чеховская Душечка, разделяла все его принципы. А именно: не брать денег у родителей, зарабатывать самому. Деньги — это свобода. Бедность унижительна. Далее: личные интересы выше общественных.

В семидесятые годы проповедовали как раз наоборот: общественное выше личного, и в результате — ни первого, ни второго. Ося не поддавался рабочей идеологии. У него была своя точка зрения.

Когда через пятнадцать лет пришла перестройка, Ося вписался в нее легко и стремительно. Ему не пришлось перестраиваться и терять на это время. Ося открыл частную клинику, но это все потом, а тогда... Тогда едва наскребли на кооперативную квартиру. Основная еда — картошка с мясом. Котлеты с макаронами. На праздники — холодец и салат оливье.

Ада училась в МГУ на филологическом. Там учились все те, кто не знал: чем в жизни заняться. Просто получали высшее образование, а там будет видно. Можно писателем, можно учителем, можно журналистом в газете.

У Ады не было никаких ярко выраженных талантов, кроме таланта нравиться. Она нравилась всем без исключения: молодым и старым, умным и глупым, кошкам и собакам, военным и штатским.

У Ады не было особых пристрастий. Она хотела любить и быть любимой. И больше ничего.

Бабушку это расстраивало. Она мечтала вырастить яркую личность с лидерскими замашками. Дедушка с ней не соглашался. Дедушка считал: если человек утром проснется и у него хорошее настроение — значит, он состоялся. Умение радоваться каждому дню — вот смысл жизни. Это от Бога, а все остальное от человека, и умение любить — это тоже талант.

Не все умеют. Далее: Ада красива и обаятельна. Обаяние — это душевный талант. А красота — это талант природы. Не одно поколение Шереметьевых трудилось и отбирало, чтобы создать такой экземпляр. Чего еще желать?

Иногда Аде казалось, что она маловато любит Осю, и тогда она начинала клясться ему в любви, как будто хотела словами пополнить недостающее чувство.

Ося внимал ее признаниям, но без особого волнения. Невозможно же всю жизнь трепетать, как в первый раз. Ося выслушивал молча и благосклонно. Любишь? Очень хорошо.

— А ты? — допытывалась Ада.

— И я, — постно отвечал Ося.

Скучно. Но что делать?

Анна Каренина не вынесла такого перехода страстей на другой уровень. Бросилась под поезд. А Ада забеременела и родила мальчика.

Роды оставили у нее отвратительное воспоминание: кровь, непереносимая боль, страх, — и все на фоне казенного дома, равнодушных врачей, бурчащих нянечек. Однако ушла из роддома не одна, а с сыночком. Ося нес ценный груз на руках, а следом шлейф родни.

Родня Оси явилась в полном составе. Наследник. Приготовили мальчику имя: Иуда.

— Вы шутите? — спросила мама Лиза.

— Нисколько, — ответил папа Оси.

— Иуда — хриstopродавец, — напомнила бабушка.

— Иуда давно реабилитирован церковью, — возразил папа Оси. — К тому же он раскаялся, повесился на осине.

— Его в школе задразнят, — испугалась Лиза.

— Когда мальчик вырастет и пойдет в школу, сволочей не будет, — объявил папа Оси.

— Сволочи были, есть и будут. Всегда, — категорически заявила мама Оси. — Зачем усложнять ребенку жизнь? Желающие усложнить ему жизнь найдутся и без нас.

— Пусть будет Марк, — предложил компромиссный дедушка Ады. — Красиво и международно.

На том и остановились. Марк Осипович. Не плохо.

Первый год жизни Марка оказался трудным. Пожалуй, самым трудным в жизни Ады. На нянюку не было денег, да и нянек в те годы не существовало. Наемный труд появился в девяностые, после развала Союза. А в семидесятые обходились своими силами.

Мальчик плохо спал, просыпался через каждые два часа. Ада спала, как на вахте. Только провалится в сладкое забытие, ребенок начинал кряхтеть и вытягивать из сна.

Днем тоже спать не удавалось. Ося уже работал, и его по восемь часов не было дома. Мама пела в

опере: репетиции, спектакли, личная жизнь с первой скрипкой по имени Фима. Фима обещал уйти от жены, но медлил. Говорил: «Давай не будем торопиться».

Бабушка плохо ходила, болели колени. А от деда какая польза? Только погулять с коляской. Раз в неделю. Не будешь ведь каждый день ездить на другой конец Москвы.

Ада ждала Осю, чтобы скинуть на него ребенка и поспать. Но Ося торопливо ел и норовил куда-нибудь сдрыснуть (выражение подруги Мирки), то есть метнуться в сторону, как таракан из-под ладони.

Ося любил сына, но ему хотелось пожить своей жизнью, почитать медицинскую литературу, посмотреть телевизор, просто подумать, в конце концов. У Ады все время было забито ребенком, и никуда не денешься, женская доля. Малыш без тебя пропадет — такой зависимый и драгоценный. Сокровище.

О том, что ребенок — сокровище, Ада осознавала в редкие минуты, когда Марик спал и сосал во сне палец. А все остальное время — отупляющий конвейер, одно за другим: кормить, гулять, купать плюс нечесанные волосы и резь в глазах от постоянного недосыпа.

Родня Оси участвовала в воспитании внука телефонными звонками и подарками к празднику. Живого времени у них не было.

Мама Оси (Фира) любила своего мужа Давида Марковича, как в молодые годы, и даже смущенно признавалась: «Я люблю своего старика. Это смешно. Да?»

— Почему смешно? — лукавила Ада. Ей, конечно же, было смешно. Старуха говорит о любви. Хотя у Фиры были красивые глаза — длинные, зеленые, с тяжелыми веками, как у крокодила. Она была статная, не толстая, но все равно старуха. Под шестьдесят.

Ада еще не знала: если человеком восхищаешься, любовь не проходит. Достойную личность можно любить всегда.

Фира была благодарна Давиду Марковичу за многое: за сына Осю, за то, что не бросил, не отвлекся на другую женщину, за то, что обеспечивал, создавал достойный материальный уровень, за то, что прощал ей (Фире) легкие прегрешения. Фира пользовалась успехом у мужчин, и она им пользовалась, но никогда не предавала семью. И Давид Маркович не предавал. Зачем разрушать комплект — так считал Давид Маркович. А комплект — это Фира, Ося и он сам.

Как говорил один, хороший писатель: «По-настоящему люди любят друг друга в старости». Шестьдесят лет — не старость, но игры сыграны. Пора подводить итоги. Фира была довольна своими итогами. Счастливая женщина, если разобраться. В отличие от Ады.

Ада перемогалась. Ей хотелось чего-то еще плюс к тому, что было. Привычка убивает страсть. А хочется именно страсти, новизны и неожиданности.

Ося — хороший, положительный, прочный, лысеющий, умеющий заработать. У него уже была частная практика, хоть это и не поощрялось законом. Осе было тесновато в рамках закона, он лавировал между можно и нельзя, у него все получалось. Ося